

кабинетный ученый
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

ANDREY TANTSYREV

INTONATION OF SORROW
AND SINGING

THE FIRST BOOK OF LYRICS 1973–1976

ARMCHAIR SCIENTIST
EKATERINBURG — MOSCOW
2015

АНДРЕЙ ТАНЦЫРЕВ

ИНТОНАЦИЯ СКОРБИ
И ПЕНИЕ

ПЕРВАЯ КНИГА ЛИРИКИ 1973–1976

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ
ЕКАТЕРИНБУРГ — МОСКВА
2015

ББК Ш6(2р36)6-335

Т18

Танцырев А.

Т18 Интонация скорби и пение. Первая книга лирики (1973–1976) /
А. Танцырев — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый,
2015. — 92 с.

ISBN 978-5-7525-3026-5

ББК Ш6(2р36)6-335

Вик. Г. Смирнову, поэту и другу.

Надеюсь, чтение «Интонации...» отвлечет тебя
от тягостных мыслей и напомнит о мыслях свет-
лых, смешливых и славных, которые владели нами
когда-то.

С богом, сочинитель.

ISBN 978-5-7525-3026-5

© Танцырев А., 1973–1976, 2015

© Смирнов В., предисловие, комментарии, 2015

© Кабинетный ученый, 2015

***

Шёл, тяжело дыша,
Думая про зверей.
Если земля слышна —
В грохоте тополей.

Вьюга заносит снегом,
Пылью заносит следы.
Шофёры ведут в неге
Тёплые грузовики.

.....
.....
.....
.....

1973

***

Длинные пальцы улиц
Богемно безвольны
Довольны пьяными бары
И проститутки довольны

Парк отрешён от звонов
Полнится зовом желаний
Семь скамеек прошёл я
И везде преступление грани

Курчавый старик беспокойно
Чертит клюкой на воде
Сочные карпы пруда
Двигутся в серебре

1973

НЕНАСТЬЕ

Волны верили свету Свет померк
Разъярились
Сосны мерно длиннели
Визг водил по каннели
мои пальцы измучены
Звуки пенные вылились
В тинный ком слепо слеплены
Ветер пальцем водил по горячей каннели

1974

ХИЙУ

Там был снег
Волнистый аквамаринный милый
В покое снега
Ребятишки на санках взвизгнут
Тонкая рука нежность сердца
Иней на волосах
Разметались густые волосы
С кладбища (много маленьких елей)
С кладбища тонкие звуки
Скорбно и трудно
Солнце мягкое и покойное
Скрип еловые запахи
Свистки электричек
Смятая пачка «Таллина»
Съезжаем с холмов обедать
Вытираем худощавые лыжи

1974

УТРЕННЯЯ ОТКРЫТКА

Синий любовно распахнутый
Смотрит оконный глаз
Солнце и свежесть запахов
Рыбных морских тротуаровых
Утром крадутся в вас

Ноги в тонких римских сандалиях
Утро я встретил среди собора
Легких ног солнечной песни
Милые локти в окне старинного дома
Утренние шаги поспешны
Я безмятежен
Влюблен в округлые локти

Невольно взглянула и слышу
Позвали к столу
Порхнула от окон
Пахнет кофе
И воздух нарезан прозрачными гудками из порта
Можжевельная плитка под фарфоровым
чайником с заваркой
источает терпкий приятно-лесной запах
Конечно это аромат твоих пальцев платья волос
Я посторонен тебе как утро

1974–1975

***

Приятно успеть к трамваю вовремя
Хорошо ехать в трамвае зимой
Так как солнце вызолотило
Мёрзлое стекло
И повсюду шныряют блики
Чистого дня

1974

КАЙНА

Жил поэт. Хорошо писал.
Исстрадался в двойничестве.
Слушай, Кайна*, ты верно
Последняя его женщина?

Закаляет кефиром желудок,
Желудёвым глясе — печень.
Под койкой зелёное судно,
И запах пижамы — свечный.

1974

---

* «Кайна» — цена, возмездие по-литовски.

НЕ ВОВРЕМЯ

Тянутся звёздные линии
В море ссыпаются инеем
В таинстве тают вечером
(На бархате млеет мерцание)
Волосы медные длинные
Робкое тело

Я смертен

Точно зима в памяти
Колотый лёд — осока
У нас голоса — ранние
Теплынь До утра немного
Камень в воде яснее
Ориентир последний

1973–1974

ФАНТАЗИЯ

Гольшом
На соске роса
Гименеевы гимны
Будто флейты в опасливый ливень
Паучок в волосах
Под сосной
Засыпаем и никнем

1974

***

Я снова дрянь
В молитвах тень
Смешных страстей
Святая глянть
Тоска густей
Чем взгляды новостей

Глаза слезятся дрожь берет
От сумрачных звонков
Таких же скованных сирот
Цилиндр чей задом наперёд
Не требует кивков

Пью светлое вино румын
Пью вермут золотой
А за окном стоит теплынь
Скорей балкон открой
Стихи как духота
Табак дымок
Пластинки и пушинка на игле
Конечно изнемог
И боль тоски по морю и тебе
Преодолела болевой порог
Сознания во всяком уголке

1974

***

Всплески страсти нужны тебе
Как это по-юношески
Вместить в нескольких строфах
Ночные ассоциации
И переведанные всеми истины
И устать к концу
И засыпая думать о женщине
И притворяться наутро здоровым
О стойк

1974

***

Нет, нет, не пытался вернуть её...
Невероятно знать, любил ли, нет.
Выпью, пожалуй, и лягу спать,
Неловко сесть сейчас за сонет.

Флюгер изнурённо скрипит:
Гжже-гжжа
Под дождливое доап-шепл-ш.
В крышах — на тёмном мехе дрожат
Камни — сверкающий бег дождя.

1974

ОБЩЕЖИТИЕ

днём веселы не нужны однобоки
вечер свершает сладостные обряды
мечтают о звере
в зверицу воплощаясь к ночи
слёзы
стенания
украшения страсти
перевито стеклярусом ложе
утром конспекты
гренки
неловкости
шёпоты мутного ветра робкого снега
новый день рассудок
новый день недоступность
леди чаттерлей и мистеры хайды
покидают кирпичные общежития

1974

***

Гаснет фонарь утомлённый снегом
Беспреданным падением снега
Моя лампа сорванно светит
Сквозь окно
Позже ночи светить ни к чему
Засыпай
Шум одиноких машин внезапен

1974

ПЕВЕЦ

Он стал сумрачным трудным
Пламя дилемм
Катехизиса том сигареты Салем
В опрокинутых рюмках утренний снег
Солнце касалось век

Он болезненно горек в зевках
Вербеной повеяли стены
Глумливо чесался пах
В карманах ни соверена

Две гитары отдалены
Наркотический запах пепельниц
Оба грифа в окно видны
Ветром струны легонько вспенятся

Лак оббит умирать позванивая
В микрофонах мой никотин
Что я сделал с моим призванием
что вы сделали с ним

1974

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ НАТЮРМОРТ

НА БЕЗМОЛВНОЙ БУМАГЕ СЕМЬ ГРУШ

В золотистом покое дыхании
Сладострастные символы душ
Предначертан всем ад поедания

НЕ ПРОПОЛЗ ПО НИМ ТЛЕНИЯ УЖ

Только сорваны толстые
Ими тронут домашний паук
Для него они пахнут соснами

Ими тронута и в слюне
Наша младшая
Оттого-то на беглой заре
Закричавшая

ОНИ БУЛЬКАЮТ В ЖИВОТЕ КРАСНЫМИ РЫБКАМИ!

А вот с доченькой станем мы
ПРЫТКИМИ

МАМА СПАСЛА ЖИВОТИК

Во сне подхихикнул братик-невротик

1974

ОПОССУМЫ

Ночной землёй
Совиной глуховатой
Опоссумы взяли корзину Кьянти
Расстелили под деревом плед лохматый
И выпили за Брейгеля и Ипсиланти
Заячью травку и ежевику
Срывали с лепетом умиления
Возились с пробками
Обнимались
И удавалось им фейное пение

октябрь 1975

***

Ах ты ведь помнишь меховую нежность
И запах комнатной запущенной зимы

Отсвет на двух печках
Точёных изразцах
И пряный дым вина
Им ель обагрена
В гостинной запах тьмы

Как утро размелось
На улицах зимы!
Прижав к груди подарки
Лицом пылая жарко
Ты знаешь — Новый год
И странно так неярко
В окне весь небосвод

1975

РУКИ ЛЮБИМОЙ РАССЫПАЮТ СНЕГ

Ласка едва коснувшись тает
На веках губах запястьях
Пыльные улицы умирают в памяти
Хохот трамвая резвился и умер
Флейты вступили
Продолжение в скрипках
Их женственных певах
Невод нивейи*

1975

---

* Невод нивейи — это женственность, выраженная запахом крема для лица, это женское имя, похожее на Лигейю.

РЯДОМ С МЭРИ

Кто любит мозельвейн
Но Мэри старый замок
В котором тень скрипит
Как потемневший пол
Натертый воском сна в потусторонних залах
Где танцевал с Чумой несчастный Эдгар По
Где рыцари пусты на низком постаменте
Желтеет стопка нот на черном инструменте
Тигровый дог у ног
Отцветший гобелен
И титул Корнуолл
В счислении колен

1975

О ГЕКЕ

Пришла она. Гек телевизор
Сумрачно смотрел.
Поднялся на звонок дрожащий.
Пришла она.
И дым морозный, взор слепящий,
И аромат вина.
Закурила крепкую сигарету,
Перебив ею снежный запах себя
И чмокнула щеку Гека (по его просьбе).
Откинулась поудобнее, округлилась
И слушает, поправляя волосы
И стряхивая пепел,
Вымученный юмор.
Шутливо обещает приготовить глинтвейн
(Поднять дух моему мальчику),
Шутливо принимает поцелуй.

Гек, оказалось потом, негодует.
Называет её расчётливой
И бесстыдно-лживой.
Подаёт эту смесь
Под соусом ласковой иронии.
Она хохочет и это забавно.
Забавно и то, что надолго
Они остаются тупыми друзьями.

1974, 1975

ГИБЕЛЬ
И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Гул неон гул неон
Насилует
В свисте крон
Тонет крик
Звать все

Слабый звон слабый звон
Милая!
Грянет оземь тоска бескрылая
Тепел снег мягкий снег
Видит бог
Пепел слов разлетался до слов

В голове память дрём
Горный свист
Опрокинул меня
Отступись!

На чёрный бархат тротуаров
Расшитый серебряными звёздами
Вышли пьяненькие из баров
Орущие "birthday"

1974, 1975

ТАКОЕ УТРО

Вижу и рисую акварель простую
Светофор оранжев холоден по-зимнему
Солнце в небе тусклое
Сыровато-блёклое
Вижу и рисую женщин одиноких
Возле отеля что высится
Белый и неохватный
Спят автомобили
Скорее дремлют
В них — напряжённость ожидания
Поэтому — дремота
И ты со мною такая дремотная
И я с тобой задремал на холоде
Снег утаптывают грузные дворники
А солнце — с дневной акварели

1975

К ЗИМНЕЙ СЕССИИ

Ах Гоголь это объядение!
Но повестями объедение
Ведёт к ленивому суждению
В потёмках но не спится мнению
Рука нащупала шнурок
Учите ночью назубок
Кто кем кому
Чего знаток
Не автомат но назубок
(Здесь позабыт провидец Блок)
Цитат и дат невпроворот
Не ясно? Завтра позабыл
И пытки вытерпеть не смог?
Нытьё любезный на замок
Учи криви снежок топчи
И поминай добром шинок
Да Музу на печи

1975

MON SNOBISME

Живу как чёрт перед последним
Божественным судом.
Камин не греет, из-за бредней
И сплю и бодрствую с трудом.
Накинул плед, в избытке свечи,
Рейнвейн тончайший, целый литр!
Устал, изнежен. Станет книгой
Мой сумеречный мир.
Нет ни мотовки элегантной,
Ни кошки сладостной и злой.
И в дверь ничто не беспокоит —
Полуночный отбой.
Густела неживым неоном,
Мерцала улица.
Пустеет двор темнущий.
До утра нежива,
Запала улица в рассудок.
И мысли плющит,
Как от вина.

1975

***

Я рыбак, уходят вдаль огни
Города, где старое вино...
Улицы таят мои шаги,
Улицы рассветные свежи.
Траулер в густой воде изваян.
Я один бродил, так сладко одному
Убедиться, что еще не назван
Город, где осяду и умру.

1975

ЛЕТО С ОТКРЫТКИ

Море лиловет тонкой полоской
За ящиками домов
На маленьких зданиях черепицей
Свернулась кровь

В узких улицах ветер сухой
Зной
Море так далеко Никого
И сухое вино холодно
И олень у стены крепостной
Одиноко стоит
Пахнет тмином гвоздикой в вине
Кафе пусты

Палочки сырны солоней
Капелек пота между грудей
Паспорт есть у тебя? Тогда
Отдыхаем на Аэгна
И на сером молу на салакины мощи
Камбалу промышляем и ноги полощем
В тёплой вечерней воде
Вечером у столовой поют
Вечером у коттеджей костры
Глаза светятся зажжённые
Бликом струны
Волейболисты сушат носки и кеды
Рядом с пахучим чаем
Соли вдыхаем
Лето в лицо комарами звеня
Валуны валуны волна

1974, 1975

АКВАРЕЛИ ПЛЭЙБОЯ И ПО

Кому понравилось быть доблестным карликом,
Плюнуть в пепел похоти спалённой.
Кто-то, прослав сексуальным скаредом,
Развалится Суини утомлённым.

Рядышком плеть, рассеки трусы
Себе или выточенным дамам.
Извольте занять подле дамы весы,
С вас сэнчури, сэр, за вино и бананы.

1975

ЧЕРДАКИ

*Это стихотворение связано
с поиском пропавших детей*

Ч ёрный воздух чернеют балки и пыль
Е два оседая встаёт за ступнями
Р езко пахнет затхлостью кошкой и страхом
Д еревянные звуки шагов грязный шифер в углу
А толстенные голуби пух осыпают
К оверкая звуки взлетая на воздух
И... наткнулся на лица присыпанные помётом

1975

***

Моя призрачность здравствуй
Ты осенняя лебедь
Заплываешь в туман
Моя нежная сказка сумею ль не верить
В твой искусный обман?
Ну и пусть! Заклинание наизусть
Моя призрачность сказка...

Мы столкнулись на лестнице университета
(Я никуда не смог увильнуть)
Она листала журнал “Kobjeta”
Точёные щиколки продолжали путь

Тянулись ввысь дымки сигарет
Внизу раскупали комплект “Kobjet”
Разговор просвещённых — бред
Я забыл повернуться всем сердцем
Смеялся Вторгся в спор
И замялся

Моя призрачность сказка
На месяц мне боли
Сладковатой и маленькой
Смутных молений
(На месяц мне боли
От свидания с тенью
Читающей в холле)

Моя женщина Моя Лигейя

1975

***

Я помню павильоны
Дорогу среди роз
И голоса с балконов
Слетали вдруг на мост
Лепились в утомление
Занятое течение
Лечебного ручья

Не помню ясных гор
Не помню мыслей лиц
Забыл нарзана вкус
И лёгкий разговор

У Демона глаза
Шизоидны слегка
Искусственным костром
Он в гроте освещён

В павильоне здоровья есть
Стекло-тёмный колодец
И четыре сорта нарзана
Мне нравился более всех
Доломитовый

1975

ЧТО–ТО СЛУШАЯ

Клянусь, арифмован.
В сутробе забытая трость.
Был ли ужин полночный и штос?
Кашне голубое в горох развилось
И конки грохочут грехома.

Дерьмо, помолись.
Ну и душные стены.
Рядом свисают носы в колени.
Пахнет рубашка потом, помётом,
Чай, лебединым.
Рядом сидящих — всех-на кюлоту!
Клянусь, взбеленился!

Средоточить в шкафу колеты,
А малиновый подарить Дип Пёпл.

Человечек из подполья рученьки грызёт.
Семь рублей изжиты с толком.
Оскорбленье. Прыгну волком.
Дико херес пьёт.
А подтяжки — коричневый серпантин
По-домашнему перевили комнаты.

1975

DE BELLE V.

Вершитель слова занемог.
Художник рукопись оставил!
Ах, мыслью в гулкий Пантеон
Он не струился. Полубог,
Работал, меткость плавил.

Эссе, новелла, притча, век
Изысканно литературен.
(Смотри в ячейках картотек,
какой роман накурен).

Любвеобильной Музы след?
Да образа нет Музы!
Литературе много лет,
А слово — плоть медузы.

Вершитель с грустью занемог.
Он выдумал бессилие
и сочинил итог.
Плевать! Берём Бастилию!
Гвоздикой стала лилия
И мотто — эпилог.

1975

В НОЧИ

Хорошо когда тёмно-синие
С достоинством пустуют проспекты
И уходят бог знает куда
Параллельные эти линии
По трамвайным путям бредёт некто

Такая прозрачная графика
Очерчены все предметы
Кроме деревьев дальних
За которыми курит некто

И нет ни малейшей боязни
Столкновения с необъяснимым
Облик краткой фантазии
Неслышно бродит по спинам
Иссиних проспектов
Более ничего

1975

***

Карло путался в терминах
Замыкался от этого
Приходил невпопад
Холодел в снегопад

Лора любит полезных людей
Пишет повесть «Прелюбодей»
Позволяет служанке в пургу
Ковры хлопать на свежем снегу

Здравствуй толстый Фелипе
Помнишь вермут у Липпа
Свою девочку Нан
И умнящий наш клан?

День сардинок вина
В тихом плюще стена
Далеко далеко нелегко нелегко
Прорастали стихов семена

Карнавал белоснежен
Но буйный оркестр
Возбуждает желание
Красных фиест

Нет сомнений в любви
Вьётся шлейф тёмных вин
Пробегают быки
И хромает один

1976

В ТРАДИЦИИ

Выпьем фраскати дно выпьем
И выпьем!
Вкус у вина божественно-пряный
Шпаги давно в паутине хрустальной
Дружбе доверясь выпьем фраскати
Враг мой старинный
В раструбы мушкетов
Влаги плесните
Из тесных буфетов
Выйдем на солнце
Песнь распевая!
Но за спиною тайна витает
Из подземелья злобных наветов
Холодно к тайне вы отнеситесь
Великодушный как сказочный витязь
Светлой любовью меня полюбите
Вам отплачу равноценной монетой
Дерзкой интригой узким стилетом

1976

***

Вишну верил в водах Ганга
вишню относил гейша
башня строилась веками
страшно петь комете
Веды не изучены
ведать вечность танка

1976

***

Отлиловели холода
Вечно мёрзнущие руки отогрелись
Не та
Не та
Милый мой
Коли так
На черта
Верность?
Новые пластинки
Наоскомив
Перевертелись

Трусишь хлопот новой связи
А со мною скушно
Я люблю тебя
Но разве
Это нужно?

А весна подслеповатая
И живёт земля ребячьим топотом
Портфель уронился в подходящую лужу
Смешно на душе и пусто
Обними меня Солёная Щека

1976

АКВАРЕЛЬ ДЛЯ ГАЛЕРЕИ ТЭЙТ

От скамеек пахнет корабельной краской
Подобно Аполлинеру ввожу некий прием в письмо
Рисую горячий день вокруг меня
В настоящий момент я болен
И далёк от сложных приемов
Остается описывать внешний мир
Мешанину солнца машин блестящих стекол волос
В духоте лучащегося пейзажа расстелю под яблоней
газеты
И медленно подымая голову от травинки на город
Оглядываю пространство в котором я существую

Я сегодня рисую акварель
Мои краски такие спутанные
Мои краски ребячливо-яркие
Акварель займет свое место в галерее Тэйт
Моих склонных к искусству друзей
Бледно-красные ромбы трамвайных дуг
В их экран я впишу только запах движения
Только чудо движения
Сине-оранжевое до исступления
Стелятся мчатся разные джинсы длинные юбки
Клич городского телёнка — трамвая
Пронизывает пыльные акварели
К вечеру штрихи мазки неоновый шабаш
У женщин в безумных универмагах
Уверенные колени
Заметался на старой гостинице новый неон
Оранжевый раньше пылал зелёный
Мне удастся слепить только цветом одним
Столько разных предметов в движении
Оранжево-тёмном телесном

Деревья как пятна глухие понятно
Сочные тёплые пятна
Зелёного вермута белая суть
Самое долгое — кисть обмакнуть
Экзаменует меня жара
Яркий рубин светофора пора
Польской иссиней эмали плеснуть
Ею блестели проспекты вчера
Трамваев алые номера

1975, 1976

***

Усталость без метафоры усталость.
На струнах кисть — не полновесный звон,
А тоненькое что-то затевалось...
Удар вина. Разлуки вновь сезон.
И море тихое, как свет дождя, взорвалось.

1976

НЕВНЯТНАЯ ЭЛЕГИЯ

Коридор фундадор коррида
Средоточие как реки течение
Нежно уносит бумажный кораблик значения

Может быть я интроверт
Ливрейных боюсь на запятках карет
Дверцы которая в тайну открыта
Чаши глубокой творцами испитой
Гордой любви терпящей от быта
Грязного штампа на белый конверт
Может быть я интроверт

Я полюбил твою чудную мягкость
Линию шеи
Гла-мма
Задумчивость век
Узкую кисть Диалоги размыты
Коверкается
В сумерках тусклеет пепельница
В виде подковы
Это не символика Реальное слово.

1976

О, БОСХ!

Мне позволительна болезнь, о, Босх!
Недолговечную приязнь
К необязательным друзьям
Мой демон внутренний,
Мой воспалённый мозг
Судил опять на казнь.

Мне позволительна болезнь.
Какие рожи рисовал
Бессонным часом до утра.
Какой изъязвленный овал
Являлся на бумаге!
А скверну выписал когда,
Царившую в бараче!

Вновь одиночество и вновь его слова
И в снах чередование полос,
И выклики морозные — сова,
Которой вторит боязливый пёс.

Я был любим самим собой, к чему?
Восстал ли мозг, во всю величину
Всем задавать единственный вопрос
(Тут не причём ни опухоль, ни пост)
А если нездоровье лишь предлог
И дух по-прежнему и мощен и высок,
То как нарисовалась женщины фигура,
Повешенной с табличкой «Инвентура»?

Восстал в изломанном сиянье дух любви.
Нервическая нежность опалила.
Заплакали далёкие коты
С кошмарной фонетической силой.

Для выставки рисую мотоцикл,
А боль моя пронзит бессмертный цикл.

1976

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Гамен и гомон мокли ноги
Погон темнеет голубой
И ступни мучает о боги
Вам жертвенный огонь помой

Пролетки с блёклой слизью верха
Да спиц сиреневый поток
На выпуске мундиров перхоть
На шее — женщины платок —
В крови батистовый венок

Давно расстрелян крик «За мной!»
И мёртвый в крепких голосах
Вспоминается с лихвой
Как «сукин сын который в пах
Меня ударил головой»

«А ты его штыком впротык
А пуля вырвала кадык
Приятель в кабачке Пило
Пирует правое крыло
А мы их в задницу пошлём
И дружно двинем в Жён-Вандом

Мы дрались лучше кирасир
Нам Мумма пить не Сены сидр!»

1975, 1976

НА МОТИВ ПРЕВЕРА

Я шел и искал птиц
Птиц ловил для тебя

Я шел и искал цветы
Цветы срывал для тебя

Ночью ты умерла
И утром
Я заслонился от солнца
Черной перчаткой

Кротко уселась бабочка
Та что ловил вчера
Кротко уселась бабочка
На внутреннем шве голубела пыльца
Не было рядом поэта
Который
В обычной печали текущем горе
Подумал
Что бабочка это твоя душа
Последнее прикосновение
Твой след

1976

***

Я одинок и бессмысленно похотью схвачен
Книги трепещут словами и отдыхают
Я утомлен походки пылают и плачем
Кажется смех пронесенный пустыми дворами

Редко пою на мотив твоей фотографии
Время приходит разлуку проклясть и уйти
Долго не пишется к винам отчаянно холоден
Пифия
Что-то стряслось но с кем
На одиноком пути

Голову некогда ясную
Голос пророчеств кружит
Снится ночами последними лес
Где совсем ни души
Снится безобразно время прошедшее лето
Темь теплоты рассекается холодом света
И появляется галька прозрачно-зеленый прибор
Тот же солярий и неба размыв голубой
Все безголосо и странно — тебя нет со мной

1976

***

Я понимаю только искренность и небо
Высокопарно независимо звучит
Я понимаю
Вечер — это сон
И птица улетела что еще?
Глаза твои
Ты спишь шепчу ты спишь
Прошу тебя кури
Прогонишь сон кури
Я волосы целую как траву
Ты любишь трав дурман...
Да тихая моя
Холодная трава
Я в детстве уходил к воде
И ступни зеленил прильнувшей травой
Бросался подбородком в плеск зеленый
И я слабел о нежная трава
В тебе забылся
Ветер за окном листвою взвился

1976

НОКТИУРН

Выходит как сон Дождь щиплет шею
Проник за ворот
Черное вязкое бирюзовое вино
От моря веет теплом
Покорный ток предчувствий
Проводов молниеносный блеск
В потопной темноте

Выходит как фильм
Потрясающий фильм о молчании

В отдалении пламень
Намечаются ночные работы

К утру кленовые листья
Прозрачно прилипнут
К цепям мола
Мокрые мокрые кораблики

1976

ДЕВУШКА ЖДЁТ

Жарко плохо неуютно
Душит жалость с тошнотой
Задыхаюсь поминутно
В забытьи шепчу ты мой
Ветра бубен колдовской
Лысый ангел мне приснится
Перемалывает фарш
Рукопашная ресницы
Жжёт гуашь
Он глаза замазал мне
Грубый ангел Каберне!
Всё равно звонка не слышу
И шагов не услышать
Разбирают где-то крышу
Не устанут громыхать
Запинаюсь между книг
Ветер — джаз а сумрак — Григ
В сердце циферблат горит
Чей звонок меня настиг?

весна 1976

О ПОЛЁТАХ

Жжёт самолёт объятья облаков
Неуловимо злеет тон турбин
Над геометрией полей и городков
В подводной глухоте и сне летим
Там на земле сообщество людей
Пьёт дотемна горящий алкоголь
Выходит из вертящихся дверей
Торопится в отель или домой
А в небе и общенье по-другому
Там ватное звучание знакомо
И нервная переселенцев роль:
Избави боже от таинственных поломок
В кармане кресла слитки карамели
Газета обиходная пакет
Заснули стюардессу оглядели
Не сделали поверхностных замет
Как все беспомощны в желании забыться
Мы нервничаем самолёт садится
В душе и животе похолодело
Мелькают чередой обалделой
Земные признаки ах долететь полдела
Но как решиться в будущем на взлёт?
Предчувствие заученно кольнёт

1976

ПРОГУЛКА ХУДОЖНИКА

Содом осеянный дождём
Мой город-дом мой город-дом
Спят в окнах кошки: подождём
Когда пронижет солнцем сон
В плащ завернусь на улице Лотрек
Тяжёлые часы стучат над мостовой
Ребёнок не поверивший в побег
Теперь я голоден и мучаюсь виной
Сияют тускло яблоки в садах
И голуби к церквам притиснуты водой
Я без зонта иду по мостовой
По вымершему городу бродяг
Витые водостоки до земли
Я пью сырого острый ясный запах
За мной бежит мой спаниель Карли
На кривоватых лапах

Но стоит ли прогулку осмыслять
Темно в подъездах блещет море луж
Пролётка кстати время поверять
Свой кошелек абсенту Мулен-Руж

1976

ВАРИАНТЫ МЯУКАНЬЯ

(«Кошки» Шарля Бодлера)

Странно, но зрелость захватит врасплох
Пылких любовников возле цветов,
Возле томов — остранных учёных.
Странно, но в зрелости любят котов
Нежных и сильных,
От блох отлучённых,
Зябких, влюблённых в домашний очаг.
Мех чистотою сияет, ворчат
И замирают в женственной дрёме.
Если мистичен зрачок их зелёный,
Вообрази этих чутких животных
Жертвами сказочных тем в подворотнях.
С чресел роняя бенгальский огонь,
Коты забавляют таинственных сонь.

1976

ОТ ГУГО БАЛЛЯ

На нашей земле (без эпитета)
Цветут в отдалении от губ
Целительные плоды.
.Покусывая травинку.
Метнулись по снегу (традиция)
Тени обычного цвета
Утро рассеянное в беличьей шубке сугробов
За ушами натёрлось мандариновой кожурой
Цепкие запахи!
Etre habitué* к ним сладостно
Промысел всеми руководит
Que ce soit** справедливо
Умираю как светлая девочка
Виноградинка под кроватью
Спящий Пиноккио не заплакал.

1976

В ПАРКЕ

На поводках босые дети.
В парках не пишется.
Думаешь о ивах и о том,
Что маленькие стихи
Да и рисунки
Должны быть прозрачны.
В парках ни к чему остранение.
В этой луже не было тритонов.
Папаша наслаждался сыновьей бессмыслицей
Действия:
Пару камешков бросит в воду малыш
И радуется, если все попали в воду.
От воды в полуметре.
Учил бы пускать блинчики,
Папаша на поводке.

1976

---

* Привыкнуть к чему-либо.

** Пусть это будет.

***

Ты далека. Пустое.
Я далёк.
Вина не пью и книги перечёл.
От них я обезумел, от любимых.
Со мною ль ты? Да нет,
Давно один.
Без сигарет, в смятении как будто.
Наутро
может быть, не сдам экзамен.
Неделя жаркой выдалась
Как в Аргентине.
Чтоб уберечь сознание от жары,
Играл в интеллигентного портеньо,
Кортасара на помощь призывал
И мимо пыльных кинотеатров
Гордо мчался.
Моря нет.
Сплыл робкий дождь,
Поникнув на секунду
Над улицей.
Исчез мой беглый дождь.
Где море? Этой чудной синевы
Недостаёт мне.
От трамвайных шпал
И от солдат, что строят недалёко
Немного
Пахнет лодкой на волне.

лето 1976

***

Внутри мольба Высокого сонета!
Рассудок сотрясают песни
Но чужие
Сознание самонадеянно
Но мнётся
И страстью страшной
Ослепленья нет

1976

ПРОСТУДА

Оплёвывает бурный насморк
Как странно с ним курить
Не ощущаешь аромата
Вкуса табака
Туман легчайший в голове и только
Ах пепел в чай малиновый
Листание томов
Воспоминание о тягостной ангине
Перенесённой с грубой болью головной
В двенадцать лет
Был человек с пирожными Стивенсона
И страшный страшный мистер Хайд
Боялся я взглянуть на акварельный облик
И бред ночной
По красной линии термометра скакал
В лохматой шапке всадник с папирос «Казбек»
Колчан был полон стрел
С вороньим опереньем
Кому-то угрожала чёрная стрела
И яблоками пахло под дождём

1976

ПОКУПАТЕЛИ В СУМЕРКАХ

Утомляет покупателей толочь
Не понятен азарт «к товарам»!
Старый город окутан дымом
Полусумерек синеватых
Лёгкий дым забывается сном
В излучинах крыш подхватывая
Дыхание окон на холод...
Если сказочны эти крыши
Потемневших домов и башен
И не менее сказочны блики
Человеческих лиц и сонных
В меру сонных реклам
И нервных
В меру нервных реклам
И окон
Разноцветный их дымный холод
То реальны ужимки сумок
Отрешённость последней очереди
И реальны синие стайки
Демонических школяров
Порой кажется мне что улицы
Эти улицы старого города
Под ногами устало трепещут
Будто спины зеркальных карпов
Ароматные скользкие спины

1973, 1976

ОФОРТ НА СТЕНЕ

Это дерево с лёгким последним
Нарочито последним листком
Рядом девушка скорбная тонкая
Под длительным ветром дождём
Невские фигурные решётки
Лужи невские старушек папильотки
Шпиль адмиралтейства и Исаакий
В перспективе очутились рядом
Мы не видим уличные знаки
Но автомобили — едущий порядок —
Голосят поблескивают стройно
Проследи за отрешённым взглядом
Тонкой девушки с развеянною прядью
Осень равнодушная расплата
Дождь влекущий строго и спокойно

1975, 1976

В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Он отдыхал у моря
Радостно смеялся
Помногу спал
Он море так любил
Родители заботились о нём
И быт слыл незаметным словно гном
В нелепостях не изощрялся

А вечер — это пятна синевы
А море — это холода сонливость
Когда стрекозы белые легли
В полёт обратный шороху совы
Меж сосен горький воздух
И катилась
Движеньем треугольным
То газета
То пачка сигарет
Раздавленная пяткой
Подсматривал той ноющей украдкой
За девушкой далёко-длинноногой
Футбол полудня чтение О'Генри
Катанье на шверботе — ох морока
И сбор болотный крупной голубики
Нагретые перроны и вигвамы
Минута Вайвари — пронзишь
Но так далёко!

1975, 1976

***

Ах полный голос птицы улетевшей
Наутро детский щебет птиц других
Волнует голос внутренний и внешний
А подлинный — утих

1976

***

Утро не график лелеял
Плывёт трамвай
Как свежи его глаза!
Утро дрожало
Плавно дворники пылили на зелень
Вечер таится в груди
Как не крути

1976

***

На красном ковре кошка ликует
Комната вне перспективы как у Матисса
Пение вешней воды
В трубах грузного дома
Проводившего взглядом окон
Голубую сварливость зимы
Нынче мой дом чувственнее меня

1976

ЛЮБЛЮ

Печальная импровизация 15.05.1976

Тёплый вечер моя родная
Нет тебя и это непросто понять
В душных кабинах почтамта
Чужие духи изнывают
Чужой щебет
Хохот
Или печальные междометия
Я один брёл по жёлтой жаре
Ядовито зелёная зелень
Ранние кроны
Я один с нежностью моего одиночества
И так вдумался в клокодавную печаль
Что потерял ритм ходьбы
Опьянел от тоски
Уселся в попутном сквере
И чуть не заплакал огромный!

1976

НОВОГОДНЕЕ

Я прошу, сказала фея,
Подхватить мою затею.
Заключается она
В кубке доброго вина.

Я, сказал зловещий карлик,
Нитку жемчуга сорвав
С шеи феи, певшей Дарлинг,
Предлагаю плен отрав:
Жемчуг растворённый сладок,
Пьём и забываем жизнь.
— Несомненно! — Вот так фея,
На руках не виснь!

Станешь женщины слугою,
Поднесёшь бокал к губам,
Проведёшь по волосам
Напряжённую рукою.

Поклонишься всем гостям
И тревожаще-бесстыдно
Оглядишь молодых девиц,
Истомлённых дьяволиц.
Что же дальше? Будет видно
По игре подвижных лиц...

1976

СЮЖЕТ НА СВЕТЛУЮ ТЕМУ

Было три отеля. Стёкла ледяные,
Тёмные портьеры, скатерти льняные.
Было три желанья. Светло-голубые
На стене форели и цветы скупые.

Шёл Верлена ливень, шли дожди крутые.
Било с неба солнце и упругий гром.
Улицы. Вращенье сна, автомобилей,
Щебет рассветанья, оголенье крон.

Сумрак кинотеатра, театральный блеск.
Кораблей пристылость, строек свежий лес.

Птицы замирали. Мёртвые заливы
Простирались к небу, сеяла крупа.
Бредил я объятъем и ходил счастливый.
Высоко гудела в гавани труба.

И подобно утру ожили заливы,
И подобно свету шли раскаты волн.
Корабли поплыли к Булони и Ливии.
Я пою бесстрастно под аккордеон.

1976

ИЗ РАЗГОВОРНИКА

В центре города — развалины крепости
Развалины замка
Часть городской стены
Старинный храм

В помойке
На нежных лапах
Королевская Аналостанка
Пронюхивает знакомый хлам
(Ребёнок в сумерки сердился
Что сумасшедшая ест яйца —
У кошки отнятую тухлять)

Дождь омывающий чёрный толь сараев
Казался чёрным то есть невидимым
Дождь замутил фонари
Но сделал сверкающим зонт прохожего
Мимо развалин
Мимо запертой башни старинной
Мимо рва
С шёпотом потаённо плывущих карпов
Брёл разговорчивый дождь

Мне надоели картины дождя
Он всегда неожиданен
И подчёркивает то состояние
В котором застал тебя
Я говорю про дождь и вспоминаю Урмаса
Безнадёжного пьяницу сумасшедшего
Он похож на стекольщика

Впрочем
Я никогда не видел молодых стекольщиков

Урмас страшно загадочный хмельной
В потёртой одежде
Ходит по улицам бурчит и поёт
И пугает детей из дома напротив
Говорят он живёт в том доме
Которым владел когда-то
Говорят он владел и нашими домами
Он был крупный домовладелец
В буржуазное время
Так говорят...
Он очень похож на стекольщика
Этот непонятный безрассудный старик

Ребёнок поспеши к солдатикам
Машинки по полу катай
Играй с упрямцем милым братиком
Но старика не вспоминай

Он непонятен и тревожит
И навевает злые сны
О вид изъеденной десны
И ржавых ромбиков-застёжек
Как эти образы ясны!
Таинственное в жизни ребёнка
(Для диссертации)
Такая поэзия и страхи

Но образ старика не верен
Не верен взгляд в такую даль
Тех ощущений вкус потерян
И гибнет детская эмаль!

Был в детстве дождь
Копил хрусталь
На чёрном толе
Не помнишь большего а жаль —
Там чудо детской воли

1976

САТОРИ В СВЕРДЛОВСКЕ

Может быть, было так. Может быть, не так. Но я думаю, что так. Мальчик пришел в книжный магазин (как раз начинался книжный дефицит) и увидел книгу чешского поэта Витезслава Незвала. Он обратил на нее внимание потому, что книга была хорошо издана (штатпельный переплет, шелковая закладка). Он открыл ее и увидел заголовок «Прага с пальцами дождя». Мальчик испытал сатори (просветление) — вся поэзия открылась перед ним. Он стал посвященным и написал свой «Свердловск с пальцами дождя», именно «Интонацию скорби и пения». Книга получилась выдающаяся.

Ему было всего-то 17–18 лет, но просветление и душевные наработки позволили ему написать нечто из ряда вон выходящее. Душевные наработки — это прочитанные книги (в основном переводные стихи и проза) и свой жизненный опыт — он успел уже пожить в Таллине и Свердловске. Переводные книги читались не зря: первоначально душа выстраивалась по ним. Я помню Элиота и Элюара, Сэлинджера, Хемингуэя. Скажут, что и сами стихи Танцырева похожи на переводы. Но переводы — это литература, а не самодеятельность. Вся литература, может быть, перевод, если учесть два ее толкования: 1) литература уже существует, надо только ее записать, т. е. это перевод с трансцендентального, и 2) перевод с подсознания в сознание — тогда стихи — индивидуальная заслуга. Я думаю, что правильная цифра «2».

Я познакомился с этой книгой во всем объеме в ноябре 1976 года, и не разлюбил ее за сорок прошедших лет.

Конечно, думать о напечатании «Интонации скорби» в 1976 году было нельзя. Сорок лет она пролежала в архиве поэта. Очень хорошо, что, наконец, она напечатана.

*Виктор Смирнов,
май 2015 г.*

ИЗ КОММЕНТАРИЯ 1983 И 1985 ГОДА К КНИГЕ «ИНТОНАЦИЯ СКОРБИ И ПЕНИЕ»

Комментарий необходим к почти каждой книге. Поэтическая, понятно, не исключение.

Танцыревская «Интонация скорби и пение» — не «хрестоматия от Пушкина до наших дней», — надеемся, что так и будут пониматься предлагаемые замечания к ее стихам.

Сборник есть «роман поэта» (А. Кушнер), «Интонация» — четырехлетний роман (и счастливый).

Первый танцыревский сборник звучит очень гармонично, будучи выдержан в светлой и холодной гамме Балтийского моря. В книге можно выделить три важнейшие темы:

1) воспоминания о детстве в Таллине, прямо с детской образностью;

2) ожидание любви;

3) вариации на темы прочитанных книг с постановкой на место их героев.

Главнейшей кажется 2-я.

Будущее счастье улыбается юному сочинителю.

Темы и чувства, конечно, очень традиционные, кажущиеся более охлажденному возрасту наивными, mais:

Безумие...

Одни — например, поэты — ищут спасения от него

На обочине чувств, изъятых из обращения

В. Незвал

Поэт всегда рискует: он не дает забыть то, что обычно забывается.

Чья же поэзия формообразующе важна, т.е. осеняет крылами этот сборник и ту жизнь, уже давнюю?

Вот чья:

1) во Франции — поэзия Аполлинера, Элюара, Превьера и примыкающих к французам чеха Незвала и эстонца П.-Э. Руммо;

Андрей Танцырев, 1970-е гг.

2) из английских поэтов — Т. С. Элиот;

3) из нашей великолепной стихотворной культуры — Блок, Маяковский раннего периода.

В сцепленности с их поэтическими идеями и надобно воспринимать песни молодого Танцырева.

Очень просто ввести эти стихи в определенный эстетический круг и назвать их темы, — темы и молодой и старой поэзии спокойного времени. Наверняка сложнее сказать о трудных исканиях художника, его жизни, о том, что в этой книжке — его ушедшая юность и выбор им пути.

«Где книги детства?.. Пожелтели, сгнили...» (Незвал). Судьба этой должна быть иной...

Виктор Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ
К НЕКОТОРЫМ СТИХОТВОРЕНИЯМ
КНИГИ «ИНТОНАЦИЯ СКОРБИ И ПЕНИЕ»

«Хийу», стр. 10

Хийу — пригород Таллина, наряду с Нымме излюбленное место для лыжных прогулок.

«Утренняя открытка», стр. 11

Таллин. Само название того же смысла, что и у Незвала, то есть «стихи на открытках... означает магги-кубики фантазии, в которых я содержусь, как бык в супе шестикратной концентрации, ибо так я представляю себе реализм».

«Приятно уснуть», стр. 12

Квинтэссенция всего тогдашнего Танцырева. Сжатость необычайная, стихотворение почти великое.

Объяснение этой большой удачи найдем, кажется, в словах оригинального свердловского культуролога К. Мамаева (март 1985): «Существует закономерность: когда пространство стихотворения расширяется, стихотворная энергия падает, — и наоборот». В параллель настроению — стихотворение П. Элюара «Салон».

«Я снова дрянь», стр. 16

Взгляд на женщину, как на «святую» вообще свойственен юношеской поэзии. Как пример: теории и стихи молодого Блока, Маяковский — апаш и т. д.

Пью светлое вино румын
Пью вермут золотой.

Вино впервые, хорошие книги и женщины. Вкус вина переживается поэтически в общем настроении неофитства тех дней.

Андрей Танцырев с братом Димой, отчимом и мамой в Таллине, 1967 г.

«Диалектический натюрморт», стр. 22

Очевидно, натюрморты постимпрессионистов, но с движением во взгляд на вещи Т. С. Элиота.

Фантасмагория превращения поедания груш Сезанна в матиссовских красных рыбок...

Ниже приводится авторский рассказ (лето 1985 г.) об обстоятельствах написания стихотворения «Диалектический натюрморт».

А. был в гостях у знакомой молодой художницы, где и увидел восковые груши, очень похожие на живые. Груши лежали на столе на ватмановской бумаге, и он долго на них смотрел.

«Опоссумы», стр. 23

Опоссумы — зверьки англоязычного литературного ареала.

Заячья травка — заячья капуста, кислица.

Ежевика — в США она окультурена, крупные плантации этой ягоды разбросаны по территории страны (по БСЭ).

Эллипсис синтаксической конструкции первого стиха не нарушает ни языковой нормы, ни семантической: опоссумы (величиной от 8 до 50 см, без хвоста) крадутся по земле, человек их видит сверху.

Брейгель — это творчество, Ипсиланти — это передовые политические идеи. Вот за что здесь пьется!

Сами опоссумы на несколько лет стали дружеской формулой танцыревского кружка.

Валерий Фохт и Виктор Смирнов — однокурсники Андрея Танцырева, 1970-е гг.

«Ах ты ведь помнишь меховую нежность...», стр. 24

Городская зима. Рождество и Новый год — время, когда в душе кипят слезы по детству и стихи.

«О Геке», стр. 27

В большой русской поэзии есть подобие этому стихотворению — «Она пришла с мороза покрасневшая» А. А. Блока.

Расстановка сил в обоих стихотворениях различна из-за разницы в возрасте сочинителей: Танцыреву — 17 лет, Блоку — уже 28.

«Акварели Плэйбоя и По», стр. 34

Суини — из Элиота.

Сэнчури (сленг) — сотня.

«Похоть спаленная» — см. рассказ Э. По «Прыг-скок» о карлике и сожженных орангутангах.

Кстати, настроению многих стихов этой книжки соответствует строфа из Незвала:

Сумрак вечерний...

О женщинах, только о женщинах мои виденья.

Сумрак вечерний...

В тысячах образов их воплощаются тени.

И стихотворение из «Стихов для мирного времени» Элюара:

У Давида Самойлова в Пярну во время написания диплома по лирике поэта, март 1978 г.

Я мечтаю обо всех красотках,
Что гуляют летними ночами
Под присмотром медленной луны.

«Моя призрачность», стр. 36

Опять те же параллели: «Когда вы стоите на моем пути» А. А. Блока и аполлинеровское течение: Франция, Незвал, Эстония...

Впечатление большой наивности: польский журнал мод — и высокая поэзия.

«Как это по-юношески!» Между тем — вот из чего рождаются стихи. Хоть в учебник!

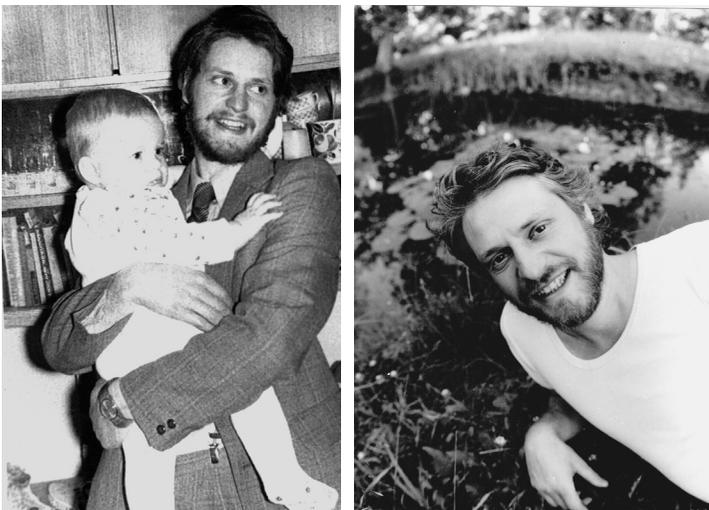
DE BELLE V. («Вершитель слова занемог...»), стр. 39

Гвоздикой стала лилия

И мотто-эпиграмм.

Во-первых, французский гербарий — лилия, гвоздика (события «красного мая» 1968 г. были сравнительно свежи); мы читали о нем книгу Робера Мерля «За стеклом»; во-вторых, см. «Мотто» Незвала:

За революцию я отдал голос свой.

Слева: Андрей Танцырев с сыном Ильей в Свердловске, 1979 г.
Справа: у озера в Сауэ (Эстония)

Очень ясно, что хотел сказать поэт, вспоминая чешского предшественника.

Мотто (*итал.*): 1) острота, словцо; 2) краткий эпиграф.

«Карло путался в терминах...», стр. 41

«Вермут у Липпа» — см. «Праздник, который всегда с тобой».

Хемингуэй хвалит вкусный вермут в заведении Липпа.

Карнавал и быки — хемингуэевская Испания.

«Праздник...» книга, по которой мы, предчувствуя свое будущее, представляли его себе лет в 16–17. Увы, жизнь повернулась к нам не той стороной.

Автору девятнадцать. Он говорит:

День сардинок, вина
В тихом плюще стена
Далеко далеко нелегко нелегко
Прорастали стихов семена.

Вот хорошая характеристика тех времен!

Слева: с коллегами по Свердловскому областному телевидению перед отъездом в Таллинн, 1987 г.

«О, Босх!», стр. 49

Опять болезнь и ее угол зрения. Фарсовы «коты» и «мотоцикл» — в общей, как это уже ясно, танцыревской манере тех лет.

«Инвентура» — искаженный русский вариант эстонского перевода “inventuur” слова «инвентаризация», таблички с этими словами можно было часто видеть на дверях временно закрытых магазинов.

«На мотив Превера», стр. 52

Выполнено на моей памяти на занятиях французским языком у преподавателя Ж. Х. Самусенко, оригинал текста был напечатан в «Юманите».

У Незвала поэзия, смерть и ночная бабочка связаны.

См. его «Знамение».

«О полётах», стр. 57

Это аэрофлотовское к тогдашней возлюбленной; в дальнейшем тема разовьется — см. сб. А. А. Танцырева «Старинной молодости шум».

С таллинским художником Геннадием Ельцовым, 1996 г.

В стихе «Ну как решится в будущем на взлет?» — разумеется вместе и *поэтический* взлет.

Раздумья о творчестве, судьбе, превозобладают у автора к 1979 году, будет написана масса стихов...

«Варианты мяуканья», стр. 59

Увлечение статью Р. Якобсона и К. Леви-Стросса «Кошки» Шарля Бодлера» (см. «Структурализм: за и против». М., 1975).

Сам этот московский сборник поэт называл (в 1976 или 1977 г., точно не помню) библиею структурализма.

Прибавлялись еще «Железные кошки» Т. С. Элиота.

«От Гуго Балля», стр. 60

Не зная, разумеется (их не печатают), ни Гуго Балля, ни Тристана Цяру, мы вели игру в них: как бы они написали.

Есть опыты Танцырева и мои, представляющие собою конструкции из звукоподражаний и мнимых слов, держались они на эвфонии и интонации, и еще на «Вейалала лейа, Валлала лейалала» или «Тинк линк линк» Т. С. Элиота.

«Простуда», стр. 64

Вещи под углом детского зрения.
Книги и болезни.

Валерий Мухачев, Андрей Танцырев, Виктор Смирнов, 1990-е гг.
Фото сделано в квартире Татьяны Мухачевой в Екатеринбурге

Художнически это очень важно.

См. недавно переизданную прозу Б. Л. Пастернака.

Р.-Л. Стивенсон, читаемый и чтимый как прозаик и как поэт.

«Новогоднее», стр. 72

От этого стихотворения идет прямая дорога к будущей поэме о Тиле и Ламме.

Переход из фейного мира (1–2 строфы) в фарсовый (3), а из него в реальный юношеский (4 и 5 строфы) очень убедителен.

«Из разговорника», стр. 74

Название указывает на чтение эстонско-русского разговорника, как побудительный момент к написанию вещи.

Незваловская Прага, как возможный прообраз картины Таллина.

«Таинственное в жизни ребенка (для диссертации)

Такая поэзия и страхи!»

«... Чудо детской воли» — поэзия и чудо остранения, для стихов первостепенного.

Виктор Смирнов, 1985 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Танцырев родился в Свердловске и там же закончил университет им. Горького.

Стихи публиковались в газетах «Молодежь Эстонии», «Вечерний Таллинн», «Уральский университет», в журналах «Урал», «Радуга / Викиркаар», «Таллин» (с напутствием Д. Самойлова), «Всемирное слово», альманахах «Истоки», «День и ночь», «Тула» (с предисловием В. Курбатова), в Антологии современной уральской поэзии, Антологии «Русская поэзия 21 века» и др.

Автор двух поэтических книг, вышедших в Таллине («После Парижа жизнь», 1996, с предисловием Г. Сапгира) и «Последние советские песни», 2000).

«Интонация скорби и пение» — первая книга автора, увидевшая свет на уральской земле.

«Шёл, тяжело дыша...».....	7
«Длинные пальцы улиц...»	8
Ненастье	9
ХИЙУ	10
Утренняя открытка.....	11
«Приятно успеть к трамваю вовремя...»	12
Кайна	13
Не вовремя.....	14
Фантазия	15
«Я снова дрянь...»	16
«Всплески страсти нужны тебе...»	17
«Нет, нет, не пытался вернуть её...».....	18
Общежитие	19
«Гаснет фонарь утомлённый снегом...».....	20
Певец.....	21
Диалектический натюрморт.....	22
Опоссумы.....	23
«Ах ты ведь помнишь меховую нежность...»	24
Руки любимой	25
Рядом с Мэри.....	26
О Геке.....	27
Гибель и возрождение любви.....	28
Такое утро	29
К зимней сессии.....	30
Mon snobisme.....	31
«Я рыбак, уходят вдаль огни...»	32
Лето с открытки.....	33
Акварели Плэйбоя и По	34
Чердаки.....	35
«Моя призрачность здравствуй...»	36
«Я помню павильоны...»	37
Что-то слушаю	38
de belle V.....	39
В ночи.....	40
«Карло путался в терминах...»	41
В традиции.....	42

«Вишну верил в водах Ганга...»	43
«Отлиловели холода...»	44
Акварель для галереи Тейт	45
«Усталость без метафоры усталость...»	47
Невнятная элегия	48
О, Босх!	49
Реминисценция.....	50
На мотив Превера	51
«Я одинок и бессмысленно похотью схвачен...».....	52
«Я понимаю только искренность и небо...».....	53
Ноктюрн	54
Девушка ждёт	55
О полётах.....	56
Прогулка художника	57
Варианты мяуканья	58
От Гуго Балля	59
В парке	61
«Ты далека. Пустое...».....	62
«Внутри мольба Высокого сонета...»	63
Простуда.....	64
Покупатели в сумерках.....	65
Офорт на стене	66
В четырнадцать.....	67
«Ах полный голос птицы улетевшей...».....	68
«Утро не график лелеял...»	69
«На красном ковре кошка ликует...»	70
Люблю	71
Новогоднее.....	72
Сюжет на светлую тему	73
Из разговорника.....	74
<i>Сатори в Свердловске .....</i>	<i>77</i>
<i>Из Комментария 1983 и 1985 года к книге</i>	
<i>«Интонация скорби и пение» .....</i>	<i>78</i>
<i>Примечания к некоторым стихотворениям</i>	
<i>книги «Интонация скорби и пение».....</i>	<i>80</i>

Литературно-художественное издание

АНДРЕЙ ТАНЦЫРЕВ

ИНТОНАЦИЯ СКОРБИ И ПЕНИЕ

ПЕРВАЯ КНИГА ЛИРИКИ (1973–1976)

Издатель Федор Еремеев

Редактор Анна Боткина

Верстка, обложка Евгении Захаровой

*Редакция благодарит Евгения Касимова
за светлую идею издания этой книги*

Подписано в печать 06.07.2015. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Издательство «Кабинетный ученый»
620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 36-А